

А. С. Г Р И Б О Е Д О В

ЕГО ЖИЗНЬ и ГИБЕЛЬ

В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Редакция и примечания Зин. ДАВЫДОВА

Издательство «КРАСНАЯ ГАЗЕТА». Ленинград. 1929

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕЗАБВЕННОМ АЛЕКСАНДРЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ГРИБОЕДОВЕ

{ После плачевного события, лишившего Россию одного из избранных сынов ее, а нас, друзей Грибоедова, повергнувшего в вечную глесть, } — часто собирался я написать несколько строк в память незабвенного; но при каждом воспоминании о нем, глубокая скорбь, объив душу, заглушала в ней все другие ощущения, затемняла разум и лишала возможности мыслить... я мог только проливать слезы...

Наконец, время, не исцелив ран сердечных, освоило меня с горестью, как увечного с его недугом. Я решил представить очерк жизни, или, лучше сказать, нравственного бытия Грибоедова, не для утешения друзей его (ибо нам невозможно утешиться), но исполняя долг гражданина, друга и писателя. Чувствую, что при всей моей любви к Грибоедову, при всем познании его характера, я не могу изобразить верно его нравственный портрет. Горжусь и тем, что мог постигнуть возвышенную его душу и оценить необыкновенный ум и дарования.

Жизнь Грибоедова обильна чувствованиями, мыслями, мечтами высокими, но не богата происшествиями². Грибоедов родился около 1793³ года. Род его ведет свое происхождение из Польши, от фамилии Грибовских, переселившихся в Россию, кажется, в начале царствования рода Романовых. Один из предков Грибоедова подписался на Уложении царя Алексея Михайловича, припоминающем, во многих местах, Статут Литовский, сочиненный

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕЗАБВЕННОМ АЛЕКСАНДРЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ГРИБОЕДОВЕ

{ После плачевного события, лишившего Россию одного из избранных сынов ее, а нас, друзей Грибоедова, повергнувшего в вечную горесть, } — часто собирался я написать несколько строк в память незабвенного; но при каждом воспоминании о нем, глубокая скорбь, объев душу, заглушала в ней все другие ощущения, затемняла разум и лишала возможности мыслить... я мог только проливать слезы...

Наконец, время, не исцелив ран сердечных, освоило меня с горестью, как увечного с его недугом. Я решился представить очерк жизни, или, лучше сказать, нравственного бытия Грибоедова, не для утешения друзей его (ибо нам невозможно утешиться), но исполняя долг гражданина, друга и писателя. Чувствую, что при всей моей любви к Грибоедову, при всем познании его характера, я не могу изобразить верно его нравственный портрет. Горжусь и тем, что мог постигнуть возвышенную его душу и оценить необыкновенный ум и дарования.

Жизнь Грибоедова обильна чувствованиями, мыслями, мечтами высокими, но не богата происшествиями². Грибоедов родился около 1793³ года. Род его ведет свое происхождение из Польши, от фамилии Грибовских, переселившихся в Россию, кажется, в начале царствования рода Романовых. Один из предков Грибоедова подписался на Уложении царя Алексея Михайловича, припоминающем, во многих местах, Статут Литовский, сочиненный

литовским канцлером Львом Сапегою в XVI веке. Это заставляет думать, что предок Грибоедовых, писавший Уложение, мог быть нарочно вызван в Россию для этого дела как муж искусный в правождении. Впрочем, это одно предположение, о котором мы неоднократно говорили с покойным другом. Герб его и надпись на нем⁴ объясняют происхождение и древность его рода, который отныне получает новый блеск дарованиями и душевными качествами покойного Александра Сергеевича, лучшими правами на уважение соотечественников. Воспоминания о знаменитых предках служат укором недостойным потомкам, которые гордятся чужими заслугами. А. С. Грибоедов облагородил бы всякое происхождение.

Он получил первоначальное воспитание в Москве, в доме родительском. Лучшие профессора Московского университета и частные учителя преподавали ему уроки. После он стал посещать университетские публичные лекции как вольнослушающий студент; учился прилежно, страстно, более всех споспешествовал к развитию способностей Грибоедова знаменитый московский профессор Буле⁵. У него Грибоедов брал частные уроки в философических и политических науках на дому и руководствовался его советами по всем отраслям познаний. Наступление отечественной войны прекратило учебные занятия Грибоедова. Получив по экзамену степень кандидата прав, с чином 12 класса, А. С. Грибоедов в 1812 [г.], июля 26-го, вступил в военную службу корнетом в сформированный графом Салтыковым Московский гусарский полк, который вскоре был распущен по смерти графа в Казани, и Грибоедов поступил, в декабре того же года, в Иркутский гусарский полк.

Эскадрон, в который он был определен, находился тогда в Литве, в резервном кавалерийском корпусе, состоявшем под начальством генерала-от-кавалерии Андрея Семеновича Кологривова; главная корпусная квартира была в Бресте-Литовском. Здесь для Грибоедова началась новая жизнь. Пламенная душа его требовала деятельности, ум

пищи, но — ни место, ни обстоятельства не могли удовлетворить его желаниям. Надлежало чем-нибудь наполнить пустоту сердца, и юность представила ему в радужных цветах мечты наслаждений, которых истинная цена познается только с годами и опытом. Дружба спасла Грибоедова от сетей, в которые часто попадают пылкие и благородные, но неопытные юноши в начале светского поприща. В это время Грибоедов познакомился и подружился с Степаном Никитичем Бегичевым⁶, бывшим тогда адъютантом при генерале Кологривове, и нашел в нем истинного друга и ментора. Дружба эта продолжалась до смерти Грибоедова и длится за гробом. В свете не поверили бы и стали удивляться такой дружбе, какая существовала между Грибоедовым, Бегичевым и еще некоторыми близкими к сердцу покойного. Чувства, мысли, труды, имущество, все было общим в дружбе с Грибоедовым. Нет тех пожертвований, на которые бы не решился Грибоедов для дружбы — всем жертвовали друзья для Грибоедова. Его нельзя было любить иначе, как страстно, с энтузиазмом, потому что пламенная душа его согревала и воспламеняла все вокруг себя. С Грибоедовым благородный человек делался лучше, благороднее. Его нежная привязанность к другу, внимание, искренность, светлые, чистые мысли, высокие чувствования переливались в душу и зарождали ощущения новой, сладостной жизни. Его голос, взгляд, улыбка, приемы имели какую-то необыкновенную прелесть; звук его голоса проникал в душу, убеждение лилось из уст⁷... Не могу написать ничего связанного о Грибоедове: ибо когда только должен вспомнить о душе его, о его качествах, сердце мое разрывается на части... Но я обещал сказать что-нибудь — исполняю.

Грибоедова любили многие, но, кроме родных, ближе всех к нему были: С. Н. Бегичев, Андрей Андреевич Жандр⁸ и я. Познав Грибоедова, я прилепился к нему душою, был совершенно счастлив его дружбою, жил новою жизнью в другом лучшем мире — и осиротел навеки!..

Но первое право на дружбу Грибоедова имел Бегичев. Он узнал его прежде других, прежде постигнул его и в юношеском пламени открывал нетленное сокровище, душу благородную. С. Н. Бегичев разбудил Грибоедова от очарованного сна и обратил к деятельности. Грибоедов писал стихи, еще посещая университет, но не собирал их и не печатал. В Польше он снова обратился к русской словесности и написал комедию «Молодые супруги», которая была играна в первый раз в С.-Петербурге, сентября 29-го, 1815 г., в пользу актрисы Семеновы м [еньшой] ⁹.

Грибоедов приехал в Петербург в 1815 году. В Польше познакомился он с князем А. А. Шаховским ¹⁰, а в Петербурге с Н. И. Хмельницким ¹¹ и А. А. Жандром. Связь с сими литераторами заставила его снова приняться за перо и трудиться общими силами для театра, по примеру французских писателей. Грибоедов участвовал с князем А. А. Шаховским и Н. И. Хмельницким в сочинении комедии «Своя семья», представленной в первый раз на СПб театре января 24-го, 1818 г.; а с А. А. Жандром перевел с французского комедию «Притворная неверность», соч. Барта, представленную в первый раз на С.-Петербургском театре в феврале 1817 г. ¹²

Тотчас по приезде его в С.-Петербург Грибоедов познакомился с Н. И. Гречем ¹³, издававшим «Сын Отечества», в котором Грибоедов поместил несколько театральных статей. Грибоедов душевно любил и уважал Греча, был с ним искренен, как с другом. Греч имел случай оказать ему на деле свою дружбу, и если я не поместил Греча в числе самых ближних, то это потому только, что он по обстоятельствам реже бывал с Грибоедовым, нежели Жандр и я.

В 1816 году, в марте, Грибоедов вышел в отставку из военной службы. Проживая в Петербурге, он не столько занимался литературою, сколько побуждала его к тому врожденная склонность. Он жил более в свете и для света, и только малые урывки времени посвящал музам.

В 1817 году он поступил на службу в ведомство коллегии иностранных дел, с чином губернского секретаря; в следующем году определен секретарем персидской миссии, произведен в титулярные советники, и отправился в Таврис. Российским поверенным в делах в Персии был тогда стат. сов. Мазарович¹⁴.

Грибоедов знал совершенно немецкий, французский, итальянский и английский языки и понимал латинский. В Персии он стал обучаться по-персидски и в скором времени не только объяснялся свободно на сем языке, но и понимал персидских авторов. Поведением своим и характером он снискал себе уважение целой английской миссии в Таврисе, и приобрел особенную благосклонность наследника престола, принца Аббаса-Мирзы, который истинно любил Грибоедова и находил удовольствие в его беседе. Все отличнейшие сановники персидские также уважали Грибоедова; он много способствовал к поддержанию доброго согласия между Аббас-Мирзою и правлением нашим в Грузии. Во время пребывания своего в Персии, Грибоедов убедил множество русских, поселившихся в Персии и вступивших в военную службу, возвратиться на лоно отечества. Ему поручено было проводить этот отряд в российские пределы, и Грибоедов неоднократно подвергался опасности лишиться жизни в сем походе от озлобленных персиян, которым неприятно было возвращение сих переселенцев. Однако ж, это дело ни мало не ослабило благосклонности Аббаса-Мирзы, который даже упросил шаха, родителя своего, пожаловать Грибоедову персидский орден Льва и Солнца 2 степени. В 1822 [г.], января 3-го, он произведен в отличие в коллежские ассесоры и в том же году, в марте месяце, получил дозволение носить персидский орден. В феврале 1822 г. Грибоедов выбыл, по собственному желанию, из персидской миссии и по высочайшему повелению определен по дипломатической части к г. главнокомандующему в Грузии, А. П. Ермолову¹⁵.

Я до сих пор не говорил о достоинстве литературных опытов Грибоедова и вовсе умолчу о прежних его произведениях, потому что они меркнут пред бессмертным трудом его, комедией «Горе от ума», известною в рукописи в целой России всем грамотным людям. Вот каким образом родилась эта комедия. Будучи в Персии, в 1821 г., Грибоедов мечтал о Петербурге, о Москве, о своих друзьях, родных, знакомых, о театре, который он любил страстно, и об артистах. Он лег спать в киоске, в саду, и видел сон, представивший ему любезное отечество со всем, что осталось в нем милого для его сердца. Ему снилось, что он в кругу друзей рассказывает о плане комедии, будто им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Пробудившись, Грибоедов берет карандаш, бежит в сад и в ту же ночь начертывает план «Горе от ума» и сочиняет несколько сцен первого акта¹⁶. Комедия сия заняла все его досуги, и он кончил ее в Тифлисе, в 1822 г. В марте 1823 г. он получил отпуск в Москву и Петербург на 4 месяца. Приехав в Москву, Грибоедов стал посещать общества, и в то же время почувствовал недостатки своей комедии и начал ее переделывать. Каждый выезд в свет представлял ему новые материалы к усовершенствованию своего труда, и часто случалось, что он, возвратясь поздно домой, писал целые сцены по ночам, так сказать, в один присест. Таким образом составилось сие бессмертное творение, отпечаток чувствований, впечатлений и характера незабвенного автора. Любовь к родине и ко всему похвальному, глубокое презрение к нравственному ничтожеству, прикрывающемуся лаком иноземной образованности, презрение к закоренелым предрассудкам и низкому идолопоклонству, — вот характер сей комедии, написанной таким разговорным языком, какого поныне не было, в нашей литературе. Первый списанный экземпляр сей комедии быстро распространился по России, и ныне нет ни одного малого города, нет дома, где любят словесность, где бы не было списка сей комедии, по несчастью, иска-

женного переписчиками¹⁷. Этот удивительный успех — первый пример в России! Комедия «Горе от ума» была напечатана отрывками в «Русской Талии» и нашла противников в Москве, где с изумительным постоянством восстают противу всего, что выходит из обыкновенного круга¹⁸. Есть и в Петербурге украшенные лаврами литераторы, которые не понимают, как может существовать комедия, в которой, по обыкновению, никто не женится, где нет пролазов-слуг, шалунов-племянников, старого опекуна, хитрого любовника и нежной любовницы, которой свадьба предшествует закрытию завесы. Наши письменные люди, дамы и мужчины, обученные мудрости по курсу Лагарпа, точно так же рассуждают. Есть добрые и умные люди, которые увлекаются чужими суждениями. Жестокий приговор комедии «Горе от ума», произносимый завистью, невежеством, оскорбленным самолюбием и легковерным простодушием, есть лучшее доказательство ее высокого достоинства. Я не хочу распространяться в разборе сего произведения Грибоедова, потому что оно, хотя и всем известно, но поныне не напечатано.

Находясь при особе А. П. Ермолова, Грибоедов снискал его доверенность и родительскую любовь. Грибоедов был также привязан и к Алексею Петровичу, как к отцу, а не начальнику, был с ним безотлучно и даже соучествовал ему в военных экспедициях. В 1824 [г.], в мае, Грибоедов получил позволение отправиться за границу до излечения болезни; но, прибыв в Петербург, остался там и прожил около года*. Уединенная жизнь в Персии и Грузии совершенно преобразила характер Грибоедова. Он не хотел появляться более в свете, посвятил себя наукам и, при необыкновенной памяти и прилежании, приобрел

* В это время я упросил его позволить списать с себя портрет, собственно для меня. Это единственный портрет его¹⁹. Зная, что доставим удовольствие многим, я и товарищ мой, Н. И. Греч, вознамерились издать оный. Знаменитый наш художник Н. И. Уткин исполнил наше желание.

глубокие познания, продолжая изучать то, чему положены были хорошие начала профессором Буле. Грибоедов, сверх занятий изящной словесностью и поэзией, трудился беспрестанно над изучением предметов важных. Правоведение, философия, история, политические и финансовые науки составляли его всегдневное упражнение. Он читал не для препровождения времени, но для того, чтобы научиться, и умел из всего извлекать полезное для ума и сердца. Изъясняясь приятно и правильно на всех языках, он отлично хорошо говорил по-русски, достоинство весьма редкое между образованными русскими. Красноречие его, всегда пламенное, было убедительно, потому что основывалось на здравом смысле и глубокой учености. Трудно было не согласиться с ним в мнении. Он имел особенный дар, как все необыкновенные люди, убеждать и привлекать сердца. Знать его было то же, что любить. Более всего привязывало к нему его непритворное добродушие, которое, при необыкновенном уме, действовало на сердце, как теплота на природу. От того-то во время пребывания своего в Петербурге Грибоедов, почувствовав ничтожность светских связей, подружился с литераторами и любителями наук и словесности, снискал их привязанность и уважение и жил только в литературном кругу Грибоедова не умели ценить в свете, не умели ценить его и некоторые литераторы, которые думают повыситься тем, что выходят из природного своего круга и в приемных и гостинных ищут награды за свои труды в благосклонности людей, не постигающих другого достоинства в человеке, кроме связей, богатства и почестей. Грибоедов был выше всех этих мелочей: они казались ему смешными и жалкими, столько же, как и люди, забывающие для них предопределение таланта. Он купил познание света опытностью; чтит и уважал звание и почести в людях заслуженных и достойных и никогда не склонял чела пред временными любимцами фортуны или счастливыми пронырами. Разумеется, что с этими чувствами Грибоедов долженствовал

иметь врагов. Он имел их, не сделав никому ни малейшего зла, но единственно за то, что был выше других умом и душою. За это самое Сократ испил цикуту.

Грибоедов написал в это время прекрасное стихотворение на балет «Руслан и Людмила», напечатанное в «Сыне Отечества», и перевел пролог к Гетеву «Фаусту», напечатанный в альманахе «Полярная Звезда». Он отказался от намерения ехать за границу и решился возвратиться в Грузию, побывав в Южной России и в Крыму. Он любил величественную природу Грузии. Возвратясь туда, он был в экспедиции с генералом Вельяминовым²⁰ против горских народов, в 1825 г., и в виду вершин Кавказа и неприятельского стана написал прелестное стихотворение «Хищники на Чегеме», напечатанное в «Северной Пчеле».

Происшествия, опечалившие Россию в конце 1825 г., потребовали присутствия его в Петербурге²¹. Не знали Грибоедова, и узнали его. Благородный образ мыслей, откровенность и чистота всех дел его и помыслов снискали ему милостивое внимание монарха. Грибоедов имел счастье представляться государю императору и с этой минуты душою полюбил монарха как государя и как человека. При отправлении на службу, по собственному его желанию, обратно в Грузию, Грибоедов награжден чином надворного советника, 8 июня 1826 г.

В это время он жил со мною на даче, в уединенном домике, на Выборгской стороне, видался только с близкими людьми, проводил время в чтении, дружеской беседе, в прогулках и занимался музыкою. Все изящное имело доступ к душе Грибоедова: он страстно любил музыку, будучи сам искусен в игре на фортепиано. Фантазии его и импровизации отзывались глубоким чувством меланхолии.

Часто он бывал недоволен собою, говоря, что чувствует, как мало сделал для словесности. «Время летит, любезный друг», говорил он: «в душе моей горит пламя, в голове рождаются мысли, а между тем, я не могу

приняться за дело, ибо науки идут вперед, а я не успеваю даже учиться, не только работать. Но я должен что-нибудь сделать... сделаю!..» Вот как думал Грибоедов. Он не мог без сожаления вспоминать о том, что некоторые наши писатели, особенно поэты, думают, что им должно следовать одному вдохновению и ничему не учиться. Грибоедов указывал на Байрона, Гете, Шиллера, которые от того именно вознеслись выше своих совместников, что гений их равнялся их учености²². Грибоедов судил здраво, беспристрастно и с особенным жаром. У него навертывались слезы, когда он говорил о бесплодной почве нашей словесности. «Жизнь народа, как жизнь человека, есть деятельность умственная и физическая», говорил Грибоедов: «Словесность — мысль народа об изящном. Греки, римляне, евреи не погибли оттого, что оставили по себе словесность, а мы... мы не пишем, а только *переписываем!* Какой результат наших литературных трудов по истечении года, столетия? Что мы сделали, и что могли бы сделать!..» Рассуждая о сих предметах, Грибоедов становился грустен, угрюм, брал шляпу и уходил один гулять в поле или в рощу.

Мне не случилось в жизни ни в одном народе видеть человека, который бы так пламенно, так страстно любил свое отечество, как Грибоедов любил Россию. Он в полном значении *обожал* ее. Каждый благородный подвиг, каждое высокое чувство, каждая мысль в русском приводила его в восторг. Если бы знали враги его, раздиравшие его литературную славу, как он радовался, находя в них хорошее. Грибоедов, зная столько иностранных языков, любил читать русские книги, особенно переводы (даже самые плохие) великих писателей. Когда я изъявил ему мое удивление на этот счет, он отвечал: «Мне любопытно знать, как изъяснены высокие мысли и наставления мудрецов и может ли понимать их класс народа, незнающий иностранных языков? Это археологические и этнографические изыскания, любезный друг», прибавил он с улыбочкой.

Грибоедов чрезвычайно любил простой русский народ и находил особенное удовольствие в обществе образованных молодых людей, неиспорченных еще искательством и светскими приличиями. Он находил особенное наслаждение в посещении храмов божиих. «Любезный друг», говорил он мне: «только в храмах божиих собираются русские люди; думают и молятся по-русски. В русской церкви я — в отечестве, в России. Меня приводит в умиление мысль, что те же молитвы читаны были при Владимире, Дмитрие Донском, Мономахе, Ярославе, в Киеве, Нове-городе, Москве; что то же пение трогало их сердца, те же чувства одушевляли набожные души. Мы — русские только в церкви, а я хочу быть русским!»

Но эта любовь к отечеству не заставляла его ненавидеть чужеземцев, подобно тем грубым невеждам, которые почитают врагом каждого, кто не родился на берегах Волги или Оки. Напротив того, Грибоедов радовался, когда чужеземец посвящал свои таланты на пользу России, и был признателен к каждому, оказавшему услуги его отечеству. Разумеется само по себе, что Грибоедов не почитал чужеземцами жителей областей, присоединенных к России оружием или трактатами. Такая мысль не может родиться в голове образованного человека. Но как всякий человек имеет свой особенный образ мыслей, то он любил более славянские поколения и желал, чтобы из двух человек одинакового достоинства соплеменник предпочитался иноплеменнику. Грибоедов вообще не любил разделения между славянскими племенами и почитал их одною семьею. Ему нравилась мысль моя: что все славянские поколения — родные сестры, из которых одна замужем за единоплеменником, другая за немцем, третья за турком, но это не должно препятствовать родственной любви и согласию.

Приехав в Грузию при начале войны с Персиею, Грибоедов находился при особе графа Паскевича-Эриванского²³, своего родственника, любившего его, как родного брата. Деятельность графа и пламенное желание быть полезным

тому краю обрадовали Грибоедова и заставили его трудиться. Я намерен сообщить здесь отрывки из нескольких его писем, в которых изображается характер и душа Грибоедова лучше, нежели в чужом описании. Вот что он писал ко мне из Тифлиса, от 16 апреля 1827 г.:

«Любезный друг, Фаддей Венедиктович! Прежде всего просьба, чтобы не забыть, а потом уже благодарность за дружеское твое внимание к скитальцу в восточных краях. Пришли мне пожалуйста статистическое описание, самое подробнейшее, сделанное по лучшей, новейшей системе, какого-нибудь округа южной Франции, или Германии, или Италии (а именно Тосканской области, коли есть, как края наиболее возделанного и благоустроенного), на каком хочешь языке, и адресуй в канцелярию главнокомандующего, на мое имя. Очень меня обяжешь: я бы извлек из этого таблицу не столь многосложную, но по крайней мере порядочную, которую бы разослал к нашим окружным начальникам, с кадрами, которые им надлежит наполнить... При Алексее Петровиче у меня много досуга было, и если я немного наслужил, так вдоволь начитался. Авось теперь, с божиею помощью, употреблю это в пользу. Стихов Жандра в 1 № «С. О.», я нигде не мог отыскать; ты не прислал мне; а другие «К Музе» я, еще не зная чьи они, читал здесь вслух у Ховена и уверен был, что это произведение человека с большим дарованием. Я надеюсь, что, возвратясь из похода, как-нибудь сюда его выпишу. Не могу довольно я отблагодарить тебя за приятное твое письмо и за присылку журналов. Желал бы иметь целого «Годунова»*. В первой сцене «Бориса» мне нравится Пимен, старец. Не ожидай от меня стихов: горцы, персиане, турки, дела управления, огромная переписка нынешнего моего начальника поглощают все мое внимание. Ненадолго, разумеется: кончится кампания, и я откла-

Трагедия «Борис Годунов», соч. А. С. Пушкина, находящаяся в рукописи.

няюсь. В обыкновенные времена никуда не гоюсь; и не моя вина: люди мелки, дела их глупы, душа черствеет, рассудок затмевается и нравственность гибнет без пользы ближнему. Я рожден для другого поприща. 1-я глава твоей «Сиротки»* так с натуры списана, что (прости душа моя) невольно подумаешь, что ты сам когда-нибудь валялся с кудлашкой. Тьфу пропасть! Как это смешно и жалко и справедливо. Многие просят, чтобы ты непременно продолжал и окончил эту повесть».

Наконец началась война. Грибоедов был безотлучно при графе Паскевиче-Эриванском, охотно переносил труды военные и не прятался от опасностей. Он прослужил кампанию, как отличный гражданский чиновник и как храбрый воин**. По представлению графа, он награжден был за отличие чином коллежского советника, в декабре 1827 г. Он был послан в лагерь Абасса-Мирзы для переговоров о мире, и имел с ними весьма занимательные сношения. При заключении Туркманчайского трактата²⁴ Грибоедов трудился непрерывно и оказал важные услуги. В награду за сие, он избран был графом Паскевичем-Эриванским поднести мирный трактат государю императору.

В Петербурге получено было прежде известие, что Грибоедов отправится с трактатом в Петербург. Дурная дорога

В романе «Иван Выжигин». Тогда я сочинил сей роман и напечатал I главу в «Сыне Отечества».

** Вот черта, характеризующая Грибоедова. В последнюю персидскую войну он проезжал верхом вместе с князем Италийским, графом Суворовым-Рымникским, внуком Великого, под выстрелами неприятельских орудий. Ядро оконтузило лошадь кн. Суворова, и она в испуге поднялась на дыбы. Грибоедов, любя князя и думая в первую минуту, что он ранен, пришел в некоторое смущение. Полагая, что страх вкрался в его душу, он решился наказать себя. При первом представшемся случае, сел на батарею и выдержал, не сходя с места, 124 неприятельские выстрела, чтобы освоиться с ядрами, как он говорил.

воспрепятствовала ему прибыть в срочное время для курьерской езды. С нетерпением ожидали его. Не могу без умиления вспомнить о той радостной минуте, в которую я встретил его. По какому-то инстинкту, я несколько дней сряду ходил в заездный дом Демута и ожидал моего друга. Наконец, 14 марта, около полудня, подъехала кибитка, и я принял его в мои объятия... Мы плакали, как дети... от радости!

Государь император пожаловал ему чин статского советника, орден св. Анны 2-й степени с алмазами, медаль за персидскую войну и 4.000 червонных. В апреле сего же 1828 г. монарх наш благоволил назначить его полномочным министром при дворе персидском.

Все предвещало счастливый успех. Грибоедов знал персидский язык, страну, нравы и обычаи, характер двора и главнейших сановников. Грибоедов вовсе не предугадывал о сем блестящем назначении и намеревался выйти в отставку, посвятить себя совершенно наукам и словесности и поселиться со мною, по крайней мере на некоторое время, возле ученого Дерпта, в моем тихом убежище. Мы утешались этою мыслью, делали планы, как будем проводить время, как будем ездить в гости в Москву, в Петербург, в деревню к С. Н. Бегичеву, и проч. Повинуясь воле государя²⁵, Грибоедов отсрочил свое намерение жить для наук и словесности, но не отказался от них совершенно. Пламенея ревностью к службе, он однако же с мрачным предчувствием вспоминал о Персии и предсказывал, что не возвратится оттуда, что там должен окончить жизнь, в отдалении от милых сердцу, и часто повторял: «Там моя могила. Чувствую, что не увижу более России!...»

Из прощального письма в деревню, к жене моей, которую он любил как сестру, можно видеть его предчувствия и надежды.

«Прощайте, милый друг, прощайте! Расстаюсь с вами на три года, а может быть — навсегда! О, боже, неужели

я должен навсегда остаться в стране, чуждой моим чувствованиям! Я еще не теряю надежды укрыться в вашем Карлове от всего, что тяготит меня в жизни! Но когда? Еще далеко до этого! В ожидании, прощайте и будьте счастливы. СПБ. 5 июня 1828».

Во время военных и дипломатических занятий, Грибоедов, в часы досуга, уносился душою в мир фантазий. В последнее пребывание свое в Грузии, он сочинил план романтической трагедии и несколько сцен, вольными стихами с рифмами. Трагедию назвал он «Грузинская ночь»; почерпнул предмет оной из народных преданий и основал на характере и нравах грузин. Вот содержание: один грузинский князь за выкуп коня отдал другому князю отрока, раба своего. Это было делом обыкновенным, и потому князь не думал о следствиях. Вдруг является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его, упрекает его в бесчеловечном поступке, припоминает службу свою и требует или возврата сына или позволения быть рабою одного господина и угрожает ему мщением ада. Князь сперва гневается, потом обещает выкупить сына кормилицы и, наконец, по княжескому обычаю, забывает обещание. Но мать помнит, что у нее отторжено от сердца детище, и как азиатка умышляет жестокую месть. Она идет в лес, призывает Дели, злых духов Грузии, и составляет адский союз на пагубу рода своего господина. Появляется русский офицер в доме, таинственное существо по чувствам и образу мыслей. Кормилица заставляет Дели вселить любовь к офицеру в питомице своей, дочери князя. Она уходит с любовником из родительского дома. Князь жаждет мести, ищет любовников и видит их на вершине горы св. Давида. Он берет ружье, прицеливается в офицера, но Дели несут пулю в сердце его дочери. Еще не свершилось мщение озлобленной кормилицы. Она требует ружья, чтоб поразить князя, — и убивает своего сына. Бесчеловечный князь наказан небом за презрение чувств родительских и познает цену потери детища. Злобная

кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местию. Они гибнут в отчаянии. Трагедия, основанная, как выше сказано, на народной грузинской сказке, если бы была так кончена, как начата, составила бы украшение не только одной русской, но всей европейской литературы. Грибоедов читал нам наизусть отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина. Трагедия сия погибла вместе с автором *!..

Н. И. Греч, услышав отрывки из этой трагедии и ценя талант Грибоедова, сказал в его отсутствии: «Грибоедов только попробовал перо на комедии «Горе от ума». Он займет такую степень в литературе, до которой еще никто не приближался у нас: у него, сверх ума и гения творческого, есть душа, а без этого нет поэзии!»

Наконец, Грибоедов поехал к своему назначению, но по обстоятельствам не мог отправиться прямо в Персию и должен был свидеться прежде с графом Паскевичем-Эриванским. Отрывки из двух писем ко мне покажут, как Грибоедов смотрел на дела и какими чувствами одушевлялось его русское сердце.

«Ставрополь, 27 июня 1828.

«Любезнейшая Пчела! Вчера я сюда приехал с мухами, с жаром, с пылью. Пустил бы я на свое место какого-нибудь франта, охотника до почетных назначений, Dandy петербургского Bondsstreet, Невского проспекта, чтобы заставить его душою полюбить умеренность в желаниях и неизвестность.

«Здесь меня задерживает приготовление конвоя. Как добрый патриот, радуюсь взятию Анапы. С этим известием был я встречен тотчас при въезде. Нельзя довольно за это благодарить бога тому, кто дорожит безопасностью здеш-

* Ныне (в ноябре 1830 г.) получил я известие, что отрывки из сей трагедии и некоторые другие сочинения Грибоедова уцелели.

него края. В последнее время закубанцы сделались дерзки до сумасбродства, переправились на нашу сторону, овладели несколькими постами, сожгли Неудобную, обременили себя пленными и добычею. Наши пошли к ним наперерез, с 1.000 конными и с 4 орудиями, но не успели. Пехота стала действовать отдельно, растянулась длиною цепью, тогда как донской полковник Родионов предлагал, соединившись, тотчас напасть на неприятеля, утомленного быстрым походом. Горцы расположены были табором в виду, но, заметив несовокупность наших движений, тотчас бросились в шашки, не дали ни разу выстрелить орудью, бывшему при пехотном отряде, взяли его и перерубили всех, которые при нем были, опрокинули его вверх колесами и поспешили против конного нашего отряда. Родионов удержал их четырьмя орудиями; потом хотел напасть на них со всеми казаками линейными и донскими, но не был подкрепен, ударил на них только с горстью донцов своих и заплатил жизнью за великодушную смелость. Ему шашкою отхватили ногу, потом пулею прострелили шею; он свалился с лошади и был изрублен. Однако отпор этот заставил закубанцев бежать от Горячих Вод, которым они угрожали нападением. Я знал лично Родионова: жаль его, отличный офицер, исполинского роста, и храбрый. Тело его привезли на Воды. Посетители сложились, чтобы сделать ему приличные похороны, и провожали его, как избавителя, до могилы. Теперь, после падения Анапы, все переменялось: разбой и грабительства утихли, и тепловодцы, как их здесь называют, могут спокойно пить воду и чай. Генерал Эмануэль отправился в Анапу, чтобы принять присягу от тамошних князей. На дороге с той стороны Кубани, толпами к нему выходили навстречу все горские народы с покорностью и подданством. Опять повторяю, что выгоды от взятия Анапы неисчислимы... Прощай. Лошади готовы. Коли к моему приезду граф Эриванский возьмет Карс, то это не мало послужит в пользу моего посольства. Здесь я уже

в его улусах; все меня приветствуют с новым начальником. Говорят, что он со всеми ласков, добр, внимателен, и бездну добра делает частного и общего. А у нас чиновники народ добрый! Продай еще раз, любезный друг».

Сообщив известие для «Северной Пчелы» о взятии Карса, Грибоедов приписал следующее:

«Ура! Любезнейший друг! Мои желания и предчувствия сбылись. Карс взят штурмом! Читай реляцию и проповедай ее всенародно. Это столько чести приносит войску и генералу, что нельзя русскому сердцу не прыгать от радости. У нас здесь все от славы с ума сходят. Верный друг твой А. Г.

«Владикавказ, 23 июня 1828 г.»

Грибоедов, будучи в последний раз в Петербурге, открылся верным друзьям своим, что он любит. Он был как родной в доме той, которая занимала его сердце, видел ее ребенком и привык обходиться с нею, как с меньшою сестрою. В Петербурге он не знал еще, что сделает с собою, но одна минута решила судьбу его. Сообщаю любопытное письмо его ко мне по сему предмету. Это самый верный отпечаток сердца Грибоедова и его самобытного, необыкновенного характера. Читая его письмо — кажется, видишь его!

«Биваки при Казанче, на турецкой границе, 24 июля 1828.

«Любезный друг! пишу тебе под открытым небом, и благодарность водит моим пером; иначе никак бы не принялся за эту работу после трудного дневного перехода. Очень, очень знаю, как дела мои должны тебе докучать. Покупать, заказывать, отсылать.

«Я тебя из Владикавказа уведомил о взятии Карса. С тех пор прибыл в Тифлис. Чума, которая начала свирепствовать в действующем отряде, задержала меня на месте; от графа Паскевича-Эриванского ни слова, и я пустился к нему наудачу. В душевной долине, где протекают Храм и Алгет, лошади мои стали; далее, поднимаясь к Шу-

лаверам, никак нельзя было понудить их идти в гору. Я в реке ночевал; рассердился, побросал экипажи, воротился в Тифлис, закупил себе верховых и вьючных лошадей с тем, чтобы тотчас пуститься снова в путь, а с поста казачьего отправил депешу к графу... Это было 16-го. В этот день я обедал у старой моей приятельницы А[хвердовой²⁶], за столом сидел против Нины Чевчевадзево́й, все на нее глядел, задумался, сердце забилось; не знаю, беспокойства ли другого рода, по службе, теперь необыкновенно важной, или что другое, придало мне решительность необычайную: выходя из-за стола, я взял ее за руку и сказал ей: «*Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire!*»²⁷ Она меня послушалась, как и всегда: верно думала, что я ее усажу за фортепиано, — вышло не то. Дом ее матери возле: мы туда уклонились, вошли в комнату; щеки у меня разгорелись, дыхание занялось; я не помню, что я начал ей говорить, и все живее и живее; она заплакала, засмеялась, потом к матушке ее, к бабушке, к ее второй матери Пр. Н. А[хвердовой]; нас благословили; отправил курьера к ее отцу в Эривань, с письмами от нас обоих и от родных. Между тем вьюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу; во вторую ночь я без памяти от всего, что со мною случилось, пустился опять в отряд, не оглядываясь назад. На дороге получил письмо летучее от графа Паскевича, которым он меня уведомляет, что намерен сделать движение под Ахалкалаки. На самой крутизне Безобдала гроза сильнейшая продержала меня всю ночь; мы промокли до костей. В Гумрах я нашел, что уже сообщение с главным отрядом прервано. Граф оставил Карский пашалык, и в тылу у него образовались толпы турецких партизанов; в самый день моего прихода была жаркая стычка у Басова Черноморского полка в горах за Арпачаем. Под Гумрами я натолкнулся на отрядец из 2-х рот Козловского, 2-х 7-го Карабинерного и 100 человек выздоровевших; все это назначено на усиление главного корпуса, но не знало, куда идти; я их тотчас

взял всех под команду, 4-х проводников из татар, сам с ними и с казаками впереди, и вот уже второй день веду их под Ахалкалаки: всякую минуту ожидаем нападения. Коли в целости доведу, дай бог. Мальцов в восхищении: воображает себе, что он воюет.

«В Гумрах же нагнал меня ответ от князя Чевчевадзева²⁹ отца из Эривани: он благословляет меня и Нину и радуется нашей любви. Хорошо ли я сделал? Спроси милую мою В[арвару] С[еменовну]³⁰ и Андрея³¹. Но не говори Р[одофиникину]³²: он вообразит себе, что любовь заглушит во мне чувство других моих обязанностей. Вздор. Я буду вдвое старательнее служить, за себя и за нее».

По возвращении в Тифлис, Грибоедов писал ко мне:
«Строфы XIII, XIV, XV *

«Промежуток 1^{1/2} месяца.

«Дорогой мой Фаддей! Я по возвращении из действующего отряда сюда в Тифлис, 6-го августа, занемог жестокою лихорадкою. К 22-му получил облегчение. Нина не отходила от моей постели, и я на ней женился. Но в самый день свадьбы, под венцом уже, опять посетил меня пароксизм, и с тех пор нет отдыха: я так исхудал, пожелтел и ослабел, что, думаю, капли крови здоровой во мне не осталось».

Наконец он отправился с супругою в Тегеран. Мрачные предчувствия стесняли сердце его более, нежели когда-нибудь, и он с каждым днем становился грустнее, как будто знал, что приближается к гробу. Выписки из письма его к почтенной даме, которую он любил как мать, к В. С. М[иклашевиче]вой, дадут полное понятие о том, что происходило в душе его.

* Эти строфы и точки поставлены Грибоедовым в шутку, в подражание модным поэмам.

«Эчмядзин, 17 сент. 1828.

«Друг мой, В. С., не пеняйте на долгое мое молчание, милый друг, видите ли, в какую для меня необыкновенную эпоху я его прерываю. Женат, путешествую с огромным караваном, 110 ло падей и мулов; ночуем под шатрами, на высоте гор, где холод зимний. Нина моя не жалуется, всем довольна и весела; для перемены бывают нам блестящие встречи, конница во весь опор несется, пылит, спешивается и поздравляет нас с счастливым прибытием туда, где бы вовсе быть не хотелось. Ныне нас принял весь клир монастырский в Эчмядзине, с крестами, иконами и хоругвями, пением и проч., и здесь, под сводами этой древней обители, первое мое помышление об вас и Андрее. Помиритесь с моей ленью.

«Как все это случилось! Где я, что, и с кем... Простительно ли мне, после стольких опытов, стольких размышлений, вновь бросаться в новую жизнь, предаваться на произвол случайностей и все далее от успокоения души и рассудка. А независимость, которой я также был страшный любитель, исчезла, может быть, навсегда, и как ни мило и утешительно делить все с прекрасным, воздушным созданием, но это теперь так светло и отрадно, а впереди так темно, неопределенно. Всегда ли так будет... Бросьте вашего Трапера³³ и Куперову «Prairie»! Мой роман живой у вас перед глазами и во сто крат занимательнее; главное в нем лицо — друг ваш, неизменный в своих чувствах, но в быту, в роде жизни, в различных похождениях, не похожий на себя прежнего, на прошлогоднего, на вчерашнего даже; с каждою луною со мною сбывается что-нибудь, о чем ни думал, ни гадал».

«Таврис, 3 декабря. Как я себя виню, что не послал вам написанных этих строчек три месяца назад. Вы бы не сердились на меня, а теперь верно разлюбили, и правы. Не хочу оправдываться. Андрей! ты помоги мне умиловить нашего общего друга. Хорошо, что вы меня на-

сквозь знаете, и не много надобно слов, чтобы согреть в вас те же чувства, ту же любовь, которые от вас, моих милых, нежных друзей, я испытал в течение стольких лет — и как нежно и как бескорыстно! Верно сами догадаетесь, неоцененная В. С., что я пишу к вам не в обыкновенном положении души. Слезы градом льются... Неужели я для того рожден, чтобы всегда заслуживать справедливые упреки за холодность (и мнимую притом), за невнимание, за эгоизм от тех, за которых бы охотно жизнь отдал? Александр наш ³⁴, что должен обо мне думать. И это кроткое, тихое создание, которое теперь отдалось мне на всю мою волю, без ропота разделяет мою участь и страдает самую мучительную беременность: кто знает, может быть, я и ее оставлю, сперва по необходимости, по так называемым делам, на короткое время, но после время продлится, обстоятельства завлекут, забудусь, не стану писать; что проку, что чувства мои неизменны, когда видимые поступки тому противоречат. Кто поверит?.

Сбылись предчувствия Грибоедова: он погиб жертвою народного неистовства в Тегеране. Не имея официальных известий о сем ужасном происшествии, я не могу писать об этом. Знаю только, что вражда возникла за армян, русских подданных, которые укрывались в доме посланника ³⁵. Не только русские, но и добрые персияне, знавшие Грибоедова, сожалеют о нем. Целая Грузия оплакивает Грибоедова.

Известие о смерти Грибоедова привезено в С.-П.-бург 14 марта 1829 [г.], того же самого числа, ровно через год, когда он приехал с трактатом Туркманчайским!

Раны сердца моего растворились... я не могу писать более... писал только для друзей, для знавших Грибоедова, в надежде, что все добрые, чувствительные люди извинят несвязность, сбивчивость этой статьи. Я был сам не свой! Мог ли я думать о холодных людях?